

Александр Амусин

Месть деревенская

18+

Александр Амусин

Месть деревенская

<https://litres.ru/74486773>

SelfPub; 2026

Аннотация

Александр Амусин – уникальный автор, один из немногих создателей энциклопедической литературы истинно русской народной души. Произведения всегда многослойны, неожиданны по трактовке событий и сюжету, точны по сотворению полотен Времени. Его творчество отличается глубоким исследованием исторических событий, культуры русского народа и сохранением истинного языка. Автор виртуозно передаёт детали времени, в котором живут герои, объединяя малые события с большими историческими процессами. Несмотря на свою необычность, все рассказы книги: «ПРЫНЦ УКOROЧЕННЫЙ», «МАЭСТРО ПО ЗАКИДОНАМ», «ПЯТНИЧНЫЙ ХАМ», «УЛЬЯНИНО СУМАСШЕДСТВО», «МЕСТЬ ДЕРЕВЕНСКАЯ» и другие, созданы на основе реальных событий, написаны не столько словом, сколько мудрой кистью автора, рисующей духовный романтический излом героев, превращая текст в зримое полотно событий эпохи. Александр Амусин, создаёт подлинную Художественную Литературу Времени на холстах произведений!

В. Бояринов, писатель.

Александр Амусин

Месть деревенская

ПРЫНЦ УКОРОЧЕННЫЙ

Вообще-то по паспорту у "прынца" есть фамилия – Ребров, но это для государства. Для односельчан он – Анатолий Васильевич, хороший молодой прораб, грамотный и спокойный. Сероглаз, роста выше среднего, лицо слегка вытянутое, волосы светлые, нос широкват, но не до безобразия. Однако для собственной «благовредной» суженой, некогда на семейную жизнь «осуждённой», он не более чем «салат из свинорыльных, пеньков наивных, сучков крапивных или сельдерея рахитного и козла чесночного...» В общем, скотный двор в при доме, а не муж.

Бывает, выдаются и более жёсткие эпитеты, но это уже непечатно. Фантазии его супружницы Виктории Пантелеймоновны хватает, что на степень, что на звания. Иной раз так окрестит – морской флот в ауте. А Толик слушает, да только покряхтывает. Десятый год покряхтывает. Попробовал как-то после месяца медового возразить, да ещё на тонах, что повыше среднего – даже выговориться не успел, как оказался на полу с кастрюлей щей на голове. Благо не горячих. Пока

отплёвывался да отфыркивался, – побелел, но не от злости, а от муки и теста, что Виктория на него вывалила вместо второго блюда. Третьего Толик дожидаться не стал, выскочил из дома и в речку, благо, лето на жару не скупилось. Поплыл прямо в одежде. А Виктория стояла на берегу и надсаживалась так, что лягушки, потрясённые ором, затихли. Плавать жёнушка не умела, но выражалась – вороньё стаями аплодировало. Несколько раз Толик обижался и сбегал к матери из дома, но не проходило и трёх дней, как возвращался. То детей становилось жалко, то самого тоскою до зубной боли выворачивало. Словно молнии в душе канатом вытягивались, так к жене тянуло, иной раз домой мчался, оврагов не замечая. Не мог без неё. Не мог! Как бы Виктория ни костерила мужа, но это случалось только днём, а едва опускалась ночь, ласковее и желаннее женщины, чем его Вика, по всей округе не было. А слова-то какие в сердце берегла! «Родной, единственный, ненаглядный, желанный...» И не только слова! Хоть ночью, да обретал своё истинное мужское счастье Анатолий. Потому и смирился. Мать, наблюдая за семейными баталиями сына, только, охала да приговаривала:

– Приворожила она тебя, видит Бог, приворожила, змеюка подколотная. Околдовала, ведьмино отродье. К чему терпишь?! Чего ради!

А Толик молчал и усмехался, слушая, как в очередной раз его ровняют с огородом. Но сегодня не выдержал, узнав, что он не только «репей замызганный, баклажан зачуханный»,

но и «принц укороченный». Вскочил из дома и так хлопнул дверью, что посуда в серванте испуганно зацокала. Уже на улице погрозил кулаком жене, подглядывающей в окошко из-за штор, злой направился к другу Витьке Кузьмину. Тот как раз дрова рубил для бани под песни из магнитофона:

**Мы все заложники Любви –
Хозяйки веры и обмана,
Надежды, сердца, зла, судьбы,
Могучей, искренней, желанной...
Мечты из плоти и крови,
Случайностей от мановений.
Она дарует и корит...
Да соткана из дуновений
В холсте из солнечных лучей
Дыханьем лунного затмения!
Владыка света и ночей –
Вселенской истины знаменье!
Её не спрятать, не забыть,
Не заглушить печальной чаркой,
Не избежать, не отмолить,
Не опломбировать печатью...
Она незримая везде!
Пред каждым, в каждом, за спиною...
На суше, в небе и воде,
То рушит, то упрямо строит...
И кто влюблён,**

**но нелюбим,
И кто любим, но безответно...
Святыней тайных снов храним
Заложницу судьбы заветной!
Мы все заложники любви,
Планета, солнце, свет луны,
Рожденья миг и вздох волны...
Мы для любви
сотворены!**

**Любовью мы! И для любви,
Планета, солнце, свет луны,
Рожденья миг и вздох волны...
Все для любви сотворены! Все!**

Увидев угрюмого Реброва, всё понял без слов. Не в первый раз Толик у него отсиживался после Викиных "комплиментов". Выключил магнитофон, топор положил подальше от Реброва. Молча уселись на лавочку, закурили. Первым прервал молчание Кузьмин.

– Заложники любви! Заложники.. Хе...хе... Слухай сюда, ты мне растолкуй, недотёпе, с чего она на тебя кидается? Хорошая собака и та без повода не лает, а твоя...

– Заначку нашла в старой куртке. Я её в сарай повесил, грязную. Думал, и внимания не обратит, а она выстирать вздумала, вот и вляпался.

– М-да, знаю твою чистюлю, в её сараях чище, чем в сельской конторе. Натурально. Всё равно, слухай сюда, на-

до твою... это... проучить. Всё, достала. Пора указать, кто в доме хозяин.

– Кулаком, что ли? Уже пробовал, руки не поднимаются.

– Зачем кулаком, это аттавизьма – кулаком. Надо по-временному, интеллигентно, по-тихому, но значительно.

– Десять лет молчу – не помогает.

– Выходит, не так молчишь, как надо, не значимо. Толян! Молчать надо так, чтобы за версту видно было, слышалось и чуялось!

– Ты, что, дров перерубил или на поленьях навернулся? Это какими глазами надо на тишину таращиться, чтобы тебя учуяли, да ещё внушительно?!

– Слухай сюда, а не умничай. Ты Ленку-простынку из Давыдовки знаешь?

– Да кто же её не знает, шалаву давыдовскую.

– Шалава шалавой, а всё бабье при ней. Да и мордашка, что надо, и фигурка ни с версту.

– Только совести нет.

– При её позывных этот рудимент излишний. Так вот, сейчас покупаем литру, на меньшее эта стервь не разменивается, и к ней – договариваться.

– О чём? Да если моя узнает, что я у Ленки только у калитки постоял, она не то, что домой, на порог не пустит. Три года заставит отмываться.

– Вот и чудненько, вот и гаденько. Знаю я твою чистюху. Ты уйдёшь, а я останусь... для виду. Меня очищать некому!

А перед тем, как пойти в Давыдовку, Наташке, сеструхе моей, об этом мероприятии намекнѐм, так сказать. Не забывай, она лучшая подружка Викина. Вот увидишь, не успеем до магазина дойти, а твоя три раза дорогу перебежит!

– И чего дальше? Ну, побегает, попылит, толку-то с того...

– Ох, наивняк-ивняк, слухай сюда! Ты, главное, молчи, а всё остальное Вика твоя за тебя и наговорит и сладит. Помирись.

– Ага! Помиримся... Бошки она нам с тобой поотрывает и на крыжовнике развесит вместо ягод. И вообще, почему к Ленке? Что, других шалав мало? Есть кто и за пол-литру примет.

– Вот тупень так тупень! Слухай сюда, не про то забота! Нам душу Викину образумить надо! Пусть словами не швыряется! Нам стервь любая – что прореха в заборе. Нам авторитетная нужна, которую наши бабы боятся. Посчитай, скольких мужиков давыдовская простипома с ума сводила? Даже партийные и те сдавались, потому как дело своё бабье Ленка лучше гейшек японских знает. Так сказать, маэстра в койке, понял? И безотказная при хорошем угощении!

Толик улыбнулся, но не словам Кузьмина, а собственным мыслям.

– Витёк, а ты в чём-то прав. О давыдовских ласках и моя наслышана. Пошли! Дразниться – знать дразниться! Только не Ленкой-простынкой, а Любкой Акулиной пугать будем.

Кузьмин замер, изумлѐнный икнул, глядя на друга.

– Ты серьёзно? Она же окромя Вовки никого не знала, и знать не хочет.

– Уже год, как Володьки нет, в прошлом месяце поминали.

– Да, по-глупому мужик погиб. Половину жизни копить на машину, купить наконец-то, три дня радоваться, а на четвёртый разбить по пья... Нет, не приведи Господь такого счастья. И всё же, Толян, нам у Любки делать нечего. К ней многие подкатывали, да без толку. Она давеча даже на следака из района собаку спустила, когда тот ночью к ней припёрся. Не гляди, что мент, а улепётывал быстрее косули.

– То мент кобелиный, а то я. Забыл, по ком она два года сохла, пока за Володьку не вышла? Моя до сих пор нет-нет, да вспомнит, встретит, усмехается. А как на Любку третьего дня глядела в магазине? Отжигала – лютовала – думал, подпалит бакалейку.

– Ну и балда, промеж вас ничего и не случилось, чего корить за детское?

– Не верит. А сеструхе так и скажи, что к Любке отправился с поклоном. Мы дойти не успеем, Вика прибежит глаза царапать.

Не прибежала.

Хотя к Любкиному дому Витёк и Толик плелись медленнее медленного, но всё равно добрались. Встали у калитки, а войти не решаются. Анатолий покраснел, несмотря на вечернюю прохладу, пот со лба катил моросью. Несколько раз

вытирал его рукавом пиджака – не помогало. Витя, глядя на друга, тактично помалкивал и только возле калитки тихо пробормотал:

– А может... это... к шалаве давыдовской, а? Надёжнее и со ...смыслом?

– В общем, так, Витёк, ты как идейный, должен идти первым, так сказать в авангарде!.

– И чего ей скажу?

– А чего собирался Ленке толковать, то и этой.

– Тоже мне, сравнил. К той притопал, флаконы на стол – и весь разговор. Ежу понятно, зачем припёрлись. А с этой так не прокатит. Слухай сюда! Тут подход нужен, повод, так сказать, и обстоятельства.

– Слюхай сюда! Слюхай отсюда! Какой подход? Уже притопали!

– Ага, один мокрый, а другойдохлый. Мы же заходить не собирались, ты чего говорил? Вика по дороге встретит и всё уладится. И что теперь? Слухай сюда. Твоя стратегия не выгорела, ты и решай.

– Да я бы заглянул, да вспомнилось тут, понимаешь. Сколько раз мимо ходил, здоровались, всё как-то тлело, но не горело. Знал, у неё своя жизнь, у меня – своя. А сейчас, когда подразнить решил, я же на Любу, словно заново засмотрелся. Веришь, как тогда, помнишь?

– Это когда я вас от Вики на сеновале прятал...

– Ну, да. Понимаешь, обжигает всего. Слушай, давай по-

курим, а там...

– Решил дымом пожар затушить...

Договорить Кузьмин не успел, из дома вышла Люба и, улыбаясь, подошла к калитке.

– Ну, что стоим, на кого глядим? Никак, шли мимо да заблудились, Анатолий Васильевич, – словно не спросила, а пропела Люба.

Услышав, как она назвала его Анатолием Васильевичем, Ребров совсем растерялся. Что-то пытаюсь сказать, промычал несколько раз:

– Здравствуйте... Мы вот по делу тут... Мы тут вот мимо, случайно... Мы вот...

Люба, так же улыбаясь, смотрела на растерянного Реброва и вдруг негромко рассмеялась.

– Ну, вы, Анатолий Васильевич, как в школе. Точно урок забыли.

– А ты помнишь, каким я был в школе? – слегка осмелев, выдавил Ребров.

– Я вас, Анатолий Васильевич, любого помню. Хочу забыть, да не получается... – Люба отвернулась и поднесла руку к глазам, затем, открыв калитку, отошла в глубь двора.

– Ну, коль дошли, проходите, что же на пороге-то о прошлом поминать... Заходите, – снова пропела Люба.

И этот голос, такой родной и далёкий, как в юности, каждой ноткой вливался в Анатолия и журчал родничковым напевом: «Иди, решайся, иди, решайся, ты здесь не чужой! Не

чужой!» Анатолий шагнул и замер, увидев в белокурых волосах Любы точно такую же заколку, какую он подарил Вике на восьмое марта. Ни слова не говоря, развернулся и побежал прочь от Любиного дома. В голове колокольчиком звенела одна и та же фраза: «Что я делаю, что я делаю? Я же там останусь, останусь, останусь...» Опомнился у своего дома возле реки, на том самом месте, где когда-то, осыпанный мукой, убегал от Вики. Скинув одежду, бросился в воду, распугивая дремавшие на волнах отражения звезд. А когда вылез из воды, на берегу стояла Вика. Она молча подошла и прижалась к мокрому телу мужа.

– Господи, какой же ты у меня красивый, Толенька. А мокрый-то...

– Вика, а ты откуда здесь?

– Так я же за тобой от самого Любикиного дома лечу. Я же думала, ты к ней пойдёшь, мне Наташка сказанула. А я у соседки Любикиной схоронилась,, за забором, поглядеть, как вы кувыркаться зачнёте. Ну, и... Я слышала, как она тебя звала. Ой, как она тебя звала, ой, как сердцем звала, слезами пела... Так судьбою кричат, так душою надрываются. А ты сюда, к дому родному, а я сомневалась... **Глупая, вот глупая! Столько лет на пыль дулась. Толенька, сколько лет души обоим травила! Судьбу родную корежила. Ты за порог, а я от ревности выгорала. Сомневалась, бесилась... столько лет себя и тебя истязала! Прости меня, принцеску закороченную! Только по ночам и**

успокаивалась, что в её сторону не глядишь! Любый мой, единственный! Сердце моё израненное! Пошли домой скорее, дети уже спят, а мне так много тебе сказать надо. Так много досказать надо! Доказать, Солнце моё! Император сердца моего, повелительный! Государь Государевич родненький!

МАЭСТРО ПО ЗАКИДОНАМ

СПЛЕТНЯ.

Сашка Захаров – «маэстро по закидонам», именно так прозвала его Настенька Устюжанина, за которой парень больше года пытается ухаживать. Она настыр-ного не отваживает, но и ближе чем на расстояние протянутой руки не подпускает.

Попробовал Сашка признаться в любви и поцеловать Настёну, – снисходительно выслушала, отмолчалась, а едва обнять попробовал, увернулась и крапивой огрела, а потом за-толкала в заросли щирицы. Да ещё отчитала: – Не твоё – не лапай! Разухарился сухарь ржаной. Словами святыми не играйся! Их один раз в жизни говорят! Один! И не для того чтобы потискаться!

Правда бранила мягко, напевно, медленно оправляя рас-трёпанную шоколадную косу и плавно покачивая плечика-ми.

– Па...по...почему ржаной? – весь жёлтый от пылицы щи-

рицы, чихая и заикаясь, спросил растерянный Сашка.

– А потому, что до пшеничного ещё не дорос! – улыбнулась Настенька. – Хочешь лапиться, вон по селу шалав хватает, а меня в их стадо не тащи. – И рассмеялась, да так надменно и задиристо, что Сашка поёжился.

– Отряхнись, цыплёнок, а то курочки на тебя зариться перестанут! – хуже пощёчины стеганула на прощание, и убежала.

У Сашки сердце точно наизнанку вывернули, причудилось, как ветер подхватывает каждое Настенькино слово и надменно посвистывая, разносит по окнам сельчан, торжественно, звонкими оплеухами, развешивая над раскрытыми форточками. И побрёл опечаленный к реке. А наутро, даже рассвет захолонул от изумления с открытым ртом и забыл в какую сторону солнце двигать, а речка рябью покрылась от лягушачьего хохота. Оказывается весь забор, окружающий дом Настеньки, был увит влажными лилиями, калитку Сашка оплёл белоснежным донником и голубыми васильками, но у порога кинул охапку въедливой щирцы.

– Это, Захаров, ну, бестолочь. Нет бы дотумкать штакетин да столбиков для новой ограды подбросить, не зря же на лесопилке работает, ан нет старьё красавить удумал, – ворчал Настенькин отец, глядя на цветы. Зевнул, потянулся за граблями, чтобы убрать, но задумался и не стал. Позвал дочь: – Это, Настёна, твоё сено, ты и собирай.

До Сашки его пожелание дошло, правда, в несколько из-

менённом варианте. Вечно визгливая соседка, бабка Зубсиниха постаралась. Не успел проснуться, а старуха уже цокотала у порога:

– Чуву дрыхнешь-то, куды глазищи таращишь. Допрыгалси, довыкобенивалси. Реки не пожалел, без красоты оставил, а чуву добилси, чуву, чурка пилорамная! Отец Настенькин заявил, покуда избы не поставишь, да с забором сосновым, да с воротами дубовыми, не отдаст он тебе дочку, не отдаст, хоть все речки в его колодец перенаправь, хоть весь дом в цветонишный стог преврати. А не послушаешси, он из тебя штакетин настругает и в калитку без гвоздей упихает! Чтобы знал, как славить девку! Вот так! Женишок с посошок! Сама слышала, сама видела, как ругалси, всех грачей с огорода разогнал и голубьёв из сада не пожалел!

Похлопал ресницами Сашка и нырнул под одеялом. Стыдно стало. Обидно и больно за ночной кураж. Какая изба, какие ворота с его зарплатой. Хорошо бы на пару приличных окон хватило. Да только услышал Зубсиниху отец Сашин – Борис Иванович. Почесал затылок, помял фуражку, потоптался и велел жене костюм отглаживать.

– В общем, так, мать, сынище армию отслужил, институт закончил, войны нет. Конечно, пока в прорабах бегают, но это по молодости. Придёт время и в начальство выбьется, поэтому нечего ему в бобылях маяться, всяким баловством деревню потешать. Сосед правильно избу требует! Нельзя традиций нарушать! Будем строиться, насколько сил хватит.

Пойду к председателю колхоза лес просить, кирпич, шифер. Родню соберём, друзей. До осени под крышу возведём и то славно.

Через час всё село, благодаря Зубсинихе, знало, что Захаровы хоромы отгрохать решили для Настеньки, в три этажа и обязательно с пятью мансардами*в подвале. Что такое «мансарда» и где её размещают Зубсиниха не знала, но решила, что их должно быть много. А когда Борис Иванович дошёл до председателя, слова не успел вымолвить, тот виновато развёл руками.

– Знаю, Борис Иванович, знаю, что задумал, да только времена иные наступили. Всё, помочь ничем не смогу. Это раньше при советской власти государство о народе думало, специалистов ценило, квартиры отстраивало и предоставляло, коттеджи помогало возводить, а сейчас всё частное, государство на карте есть, колхоз значится, а на деле... Все-му хозяин не я, а его величие рубль. Теперь говорят, не правильно раньше жили, безмозгло. Колхозы не сегодня - завтра прихлопнут. В столице решили нашу землю делить, фермерство возрождать и формировать частный капитал! Усёк! Так что о помощи колхозной забудь! Хоть и председатель я, да толку от меня меньше чем от сторожа...

– А чего его воскрешать-то, фермерство? – не понял Захаров. – Фермы в колхозе крепкие, а коровы, да на любую ярлык лепи, – элита, а луга – так молоком и дышат!

– Да не фермы, а фермерство, это типа крестьянина на

западе, единоличником сделать велят.

– А если я не хочу?

– А тебя никто и не спрашивает, – хмыкнул председатель, – впрочем, как и меня. Сказано возрождайся, значит, возрождайся и не возникай. Впрочем, можешь с голоду помирать. Выбирай, как нравится.

– Так они таким зарождением всё село в гроб загонят.

– Ну, всё не всё, а кто-то ж должен остаться. Покорячится, да с колен поднимется. Главное – не надорваться, не запить. Успеть перекувыркнуться.

– Так, может, пока нету этих преобразований, уговоримся по-прежнему, пусть не до крыши, но стены Сашкиной избе поставим.

– Не получится, Борис Иванович, по - старому жить не дают, а по - новому не разрешают. Пока законы прописывают, нет ни капиталов, ни материала. Дожились! Элитное стадо вырезать за долги велено и на мясокомбинат! А ты фермы. Скоро всем селом пойдём по миру в драных галошах. Техника встаёт, ремонтировать надо, на запчасти денег нет, урожай собрать не сможем, на горючку финансов не выделяют, а что соберём, продавать невыгодно, за зерно, за мясо копейки дают спекулянты. Сами три цены наваривают, а нам кукиш. Барыг раньше спекулянтами называли, теперь бизнесменами величают. Бандитов предпринимателями. А, что изменилось, как были на «б» так и остались на «б»... Только нам и остаётся или в в их стаю с поклоном, или с вилами на

погост...

От председателя Борис Иванович вернулся смолы чернее. Жена даже спрашивать не стала, почему – за версту понятно. Сашка тоже взглянул на отца и потемнел. А когда Борис Иванович поведал, какие времена колхоз ожидают, снова ушёл на речку. Зачем? И сам не понимал. По дороге Настю встретил. Нарядную, в красивом модном платье с оборочками, в изящных лакированных туфельках на каблучках – в клуб на дискотеку торопилась. Увидев Захарова, фыркнула, покрутила пальчиком у виска, хихикнула и упорхнула не оглядываясь.

Домой вернулся Саша под утро. Отец не спал, сидел на крыльце, курил. Увидев сына, усмехнулся.

– На совет к царевне-лягушке бегал? Ну и как, решили последней шкуркой спекулировать повыгоднее, и дворец отстроить?

Саша промолчал, присел рядом, тоже закурил.

– Нет, батя, царевна мотыльком мимо меня пропорхала, на танцульки спешила. Я с цикадами всю ночь толковал. Ох, и мудры, если прислушаться.

– Не знал, что ты в их трескотне разбираешься. И о чём до рассвета сплетничали?

– Всё по делу, батя, всё по делу. Карла Маркса вспомнили, точнее книжку его, «Капитал» называется. А решили так: уезжать мне из села надо пока не поздно. Дело своё налаживать.

– А Настя?

– Нужен буду – дождётся, а нет... Или переболею или сопьюсь. А может, повезёт, город большой, найду на неё похожую, забудусь.

– Обида в тебе говорят и немощь, а они советчики никому дышные. Не торопись. С Настей потолкуй, мало ли чего отец в сердцах наговорит, да бабкаполуразвитая слова исковеркает. Вам свои судьбы связывать. Вам! Свадьбу сыграете, проживёте у нас, а там, глядишь, и страна образумится, и свой угол появится. Не так уж и плохо мы жили, чтобы жить ещё хуже.

– Нет, батя, ничего не вернётся. Мир поделится на бедных и богатых, и пока нищие не поймут, что они рабы денежных пяток, да, раздавленные до соплей, пока на новую революцию решатся – века пройдут. Проверено историей. Думаю сейчас, в мутной воде, долларей половить надо. Сейчас! Потом сложнее будет.

– Кого ловить? Лодырей?

Сашка усмехнулся.

– Можно и так сказать.

– А в городе кому ты нужен? Желających побарахтаться в перестроечной грязи хватает и без тебя.

– Одно дело желать, другое барахтаться! Не волнуйся, батя, не утону, мне бы только недельки две продержаться, а там сориентируюсь. Из институтских друзей многие в городе остались, из армейских. Помогут.

Борис Иванович раздражённо отшвырнул сигареты.

– Сашка, я тебя не пойму, ты или дурня катаешь или действительно лягушни наслушался. Какая - то полуглухая бабка ляпнула глупость, услышала звон, не зная где он, а ты всю жизнь готов перевернуть, толком не раздумывая из-за мансардов в подвале?. Меня от твоих закидонов в жар швыряет. Пять лет в городе пропадал, когда учился, ладно, вроде в дело, перетерпели. Вернулся. Обрадовались с матерью, думали, сына обрели, заживём по-людски, свадьбу сыграем, внуков вынянчим. А он из-за сплетни, обратно в небоскрёбы сбегает! Разберись здесь сначала, с Настей объяснись, с отцом её. Куда торопыжничаешь? От кого? Зачем плыть назад, когда берег перед носом!

– Батя, не в Настюхе дело! Одни перемены совпали с друзьями. Сов-па-ли! Осилю – человеком буду, нет – так и останусь мельтешить у тебя перед глазами бобылём-неудачником.

Борис Иванович сплюнул, молча поднялся.

– Эх, сына-сынище, взгляни на небо, солнце от стыда покраснело, нас слушая.

– Ничего, поднимется повыше, разглядит получше, – побледнеет! – буркнул Сашка и пошёл собираться.

Он уехал вечером. Настя, узнав об этом, всю ночь проплакала. А утром, хлопая белёсыми ресничками, отмытыми от туши слезинками, подошла к отцу и заикаясь, заявила:

– Всё из-за тебя! Усадьбу захотел с мансардами! Если Са-

ша через полгода не вернётся, поеду за ним!

Ошарашенный Пётр Кузьмич от неожиданности на стол присел. Его полноватое добродушное лицо посерело и мгновенно покрылось испариной.

– Это! Ты, это... не шуткуй, доча! С каких это пор тебе Санька ненагляден стал? Это! Да ты ж его гнала, чем могла. А теперь с поклоном вдогонку? Ты чего нам с матерью заявляла – таких, как он, что камыша в пруду, что колосков в поле. Ты это! Ты совсем, доча ... это! Запуталась, выходит?!

Настенька заалела нежнее солнышка рассветного, вздохнула, словно прощаясь, но отмолчалась. Пётр Кузьмич покопсил на дочь, ухмыльнулся, поднял над головой кривенький указательный палец, посмотрел на него, на потолок, чихнул и, довольный заговорил спокойно, но решительно..

– Понятно! Это! Ты, Настюха, не горячись. Если всё по-настоящему и у него, Сашку тоска наизнанку вывернет. Сам прибежит, босой, богатый. На карачках, а приползёт. А там снова у сердца спросишь. Это! Время оно доктор хороший.

– А если пропадёт? Знаешь, сколько в городе красоток крашенных? Это здесь, в деревне, поглядеть не на кого, а там от перекрёстка до перекрёстка шею вывернешь.

– Девки все красивые, особенно под вечер, – усмехнулся Пётр Кузьмич, – да любят тех, у кого душа совестью светится.

СЛУХИ - ВЕНИКИ

От Сашки вестей не было долго. Напрасно самые ярые бабульки-сплетницы, торопливо накинув цветастые платочки, оправив фартуки, приклеив к морщинистым щекам капельные улыбочки, с утра пораньше дефилировали возле здания почты. Мучили почтальоншу Оленьку одним и тем же вопросом.

– Иванычу Борису вестей-то как, совсем нету от сына? Сашка – то живой что ли, не отписался?

Оленька, поначалу раскланиваясь с каждой, шутливо отвечала, что ещё на чернила не заработал, да и с бумагой в стране трудности, но через две недели, не выдержав, по утрам стала вывешивать на двери картонку с надписью «Новостей нет!». И хотя в сообщении не говорилось от кого, и каких, бабульки степенно подходили, кургузыми пальчиками ковыряли буковки, каждый раз перечитывая одни и те же, слова, словно в них можно было обнаружить ещё новый, затаённый смысл, и, покряхтывая, ругая погоду, какой бы ни была, расходились. А потом поползли слухи, одни причудливее других. Вначале утверждали, что видели парня в соседнем районе, якобы торговал галошами. Затем некоторые бабки стали божиться, что Сашка «физкультурником» прописался, так как разглядели его в райцентре на базаре, коротко стриженным и в спортивном костюме. Чуть позже Зубсиниха последним зубом поклялась, крестясь на тучку, будто она с Сашкой лично беседовала, и ей по секрету беглец поведал, что на службу богатую уезжает за границу, и будет

главным посланцем старшего посланнического там именовать-ся. Ездить станет только по рельсам, в лимузинах с плюшевыми креслами и с иностранными попугайками - переводчиками. Разумеется, Зубсинихе никто из сельских не поверил, только похихикали, однако Настенька, выслушав бабуку, шёпотом поинтересовалась:

– Екатерина Юрьевна, а где вам Сашка такую прекрасную новость доверил?

Зубсиниха, гордо вскинув крошечную головку на толстойшее, многозначительно хрюкнула, осмотрела девушку своими комариными глазками, повела излишне пышными бёдрами и громко гаркнула:

– Далече, ой, далече девонька. Так далече, что я уже и не вспомню где! – Но, поманив Настеньку пальчиком, шепотком, торжественно добавила: – Он у брательничка своово в городе обретаётся многоюродного, который рыжий. С ним он к попугайкам собралси, с ним по рельсам в плюше разъезжать будет! Тот при послах в большом чине числится, адмирал-фореитором, но об этом никто знать не должен. Тайна! Государственная! Потому как адмирал, он тоже засекреченный! А чтобы не разоблачили, маскируется! Таксистом подрабатывать.

Настенька, с трудом сдерживая смех, поблагодарила Зубсиниху и, счастливая, поспешила домой. Она верила бабуке, верила. Потому что кроме Сашки, никто по всей округе не мог наплести Зубсинихе большей галиматьи, да так заковы-

ристо, что старушка уверовала и донесла до Настеньки главное! Саша жив, насмешничает, значит не так у него там и плохо!

А через месяц Петру Кузьмичу пришла телеграмма в цветном конверте с надписью: «Берегите лес – наше богатство!». Правда, ни в строчках, ни меж, ни рядом, ни около авторства обозначено не было, но все поняли, от кого. Текст скромно информировал: «На фундамент с туфлями заработано!». А через два месяца в следующем послании Сашка сообщал: «Наскрёб на стены и костюм». Третье ждали дольше, до весны, хотя оно особой краткостью не отличалось: «Есть на крышу и галстук, на крыльцо не хватает, мансарды отменяются, подвалы придётся рыть по ночам самому».

Пётр Кузьмич, прочитав, выругался и заявил жене:

– Это! Неужели нельзя без ёрничества, выкрутасов и закидонов. Пусть хоть пять дворцов отстроит, не отдам ему Настеньку. А явится, вместе с галстуком с крыльца в канаву... Это! Представляешь, какую жизнь он ей да и нам устроит? Клоун! Лес от речки отличать перестанем. Мозги наизнанку вывернет, трепло, закидоныч!

Разорвав депешу, он вышвырнул её на улицу. Но Настенька собрала клочки, склеила и часто, засыпая, прятала её под подушкой. Писем Насе Саша не писал. Однажды позвонил и без предисловий заявил:

– Если нужен – дождись, не сможешь – не казись! И запомни, у меня, кроме тебя никого нет, не было и не будет,

пока не узнаю, что замуж вышла!

Сказал и, не ожидая ответа, положил трубку. Настя на Сашкино молчание не обижалась. Понимала, в каком положении оба оказались. Забавно и нелепо получилось. Всё село их женихом и невестой считает, а они ни разу не обнялись. Все только об их свадьбе говорят, а они даже не объяснились. Никаких обязательств друг другу не давали, но как только Саша уехал, Настя и в сельский клуб ходить перестала. А зачем? Лишними сплетнями ранить. Раньше шла, чтобы Сашу увидеть, услышать, новым нарядом, причёской блеснуть, подразнить, присмотреть, на кого он помимо неё поглядывает, кем из местных красавиц интересуется... Вмешаться вовремя... А вскоре поняла: никто ему не нужен кроме Настеньки. Успокоилась, даже ревновать перестала. Да и сама поводов для сомнений не подавала. И сейчас: дом – работа, работа – дом. Настя благодарно ждала. И когда пришла четвёртая телеграмма, она была уверена, что Саша её позовёт. Как? Не задумывалась. Естественно, не как все нормальные люди, обязательно измыслит что-то не от мира сего, но... Он такой. Маэстро по закидонам. И Настя ждала. Хотя сомнения в каждом сне одолевали...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда почтальон вручила Петру Кузьмичу очередное Сашкино сообщение, он брезгливо поморщился, но взял. Долго, слишком аккуратно открывал конверт, медленно,

осторожно, точно мину, извлекал небольшой листок. Растерянно, несколько раз перечитал текст. Настя, не выдержав, вырвала у отца телеграмму и замерла над буквами. В предложении было только четыре слова «Увы, банкрот. По-русски нищий! Что нажил, всё распродал за долги».

– Это! Довыпендривался! – процедил сквозь зубы разъярённый отец. – Ушёл голым и вернулся босым! Зато цирк на всё село устроил. Опозорил на всё село девчонку, меня, семью, ославил клоун фигушный. Пусть он только мне на глаза покажется, я ему устрою. Это! Я с него семь шкур спущу, и на крыльцо с туфлями, и на крышу с галстуком хватит. Я его и на рубли, и на доллары, и на колпак дурака с кисточкой...

– Причём тут деньги, папа, причём банкротство! Баба его подцепила, понимаешь, баба, окрутила какая-нибудь вертихвостка городская. Вот и выдумал повод от меня откреститься. Говорила тебе, нельзя одного отпускать в город, нельзя! Всё, сегодня же собираюсь и еду. Я всю родню на ноги поставлю, всю милицию, я его адрес по буковкам разыщу. Я ему всё скажу, а ей все волосёнки...

– Да что ты несёшь! Это! Да какое право, ты не жена, ты кто ...Совесть иметь надо, со...

– Да я ему больше чем невеста! Я его у Бога вымолила! Я его каждой слезинкой выплакала, каждой секундочкой выждала, да я...за этот год...я...

От негодования Настя задохнулась. Отец и мать попытались ей снова возразить, но она так сердито опалила их

взглядом, что мать безропотно опустила голову, а Пётр Кузьмич потянулся за сигаретами и сердито вымолвил:

– Это! Искать голодрань поедем вместе! Хотя на паперти у церкви, но найдём!

А ночью Настеньке приснился сон. Она шла по тоненькому хрупкому мостику из камыша через реку Еруслан, а за её спиной хохотала Зубсиниха. Её крохотная, с горошину, голова так неестественно дёргалась на огромной бычьей шее, что тучи, сгрудившиеся над Настенькой, боязливо облетали старуху. А сплетница грохотала всё громче и громче, и каждое её слово опускало всё ниже и ниже деревья и смородину в садах сельчан.

– Нет, вы полюбуйте, люди добрые, – тыча в сторону мостика, громыхла Зубсиниха, – нашёл из чего мост соорудить. Перила где? Где перильца? А что сулил? Сулил что? Аляксашка–трепач! Терем сказочный, палисад с цветочками, а у самого только на камышову подстилку и хватило совести! Настя, опомнись, пока нормальные парни в селе не перевелись, опомнись! Вернись! Рухнет евона сооружения. Рухнет! Сгорит от солнца! Вернись! Не упрямясь! Одумайся!

И точно. Едва Зубсиниха проорала последнюю фразу, мосточек зашатался, камыш затрещал и вспыхнул, обожжённый Настенькиными слезами. Девушка не успела и руками взмахнуть, как оказалась в воде.

– Да я же плавать не умею, я же утону, за что?– Успела

подумать Настенька, всё глубже и глубже опускаясь в воду. И вдруг увидела на другом берегу Сашу в потрёпанном спортивном костюме. Зубсиниха хохотала, тыча в него коричневым сучковатым пальцем, а Саша, не обращая на неё внимания, подбежал к берегу и, улыбаясь, кинул Настеньке обручальное кольцо. – Глупый, – подумала Настенька, совсем глупенький, такой красивый и такой несмышлёный. Сашенька, кольцо тяжёлое, оно раньше меня потонет!

Но кольцо не опустилось на дно, оно крылом подхватило Настеньку и, поднимая всё выше и выше над рекой, перенесло девушку к парню.

– Настя, я... я должен тебе признаться, у меня, там...

Настя проснулась. Взглянув на часы и чемодан, одиноко прикорнувший у кровати, кинулась торопливо одеваться. Она опаздывала к автобусу, что уезжал в город. Отец, уже одетый, сидел на крыльце и, тоскливо разглядывая счастливое солнце, курил. Будить дочь он даже не собирался.

А весна в этот год село преобразила. Как на свадьбу собирала. Дома, заборы, даже чёрные печные трубы отмыла долгими упругими ливнями. Сады укутала лилейным покрывалом, поля покрыла изумрудным плюшем, лес лимонно-малахитовым бархатом, а землю устелила янтарным ковром из прошлогодних листьев. Весна так тщательно отмыла небо тучами, что, казалось, протяни руку, и вот они звёздочки, весёлые, добрые, яркие, счастливые, так и просятся в руки, расплескивая вокруг себя тепло и нежность. Весна в этот год

село преобразила!

Когда Пётр Кузьмич и Настя подошли к остановке, последним из подъехавшего из города автобуса понуро выбрался Саша. Был одет явно не по сезону, в те же, только рваные, рубашку и джинсы, в которых уезжал летом. А башмаки... На такие и слов жалко описывать. Ничего, ни шнурков, ни половины пуговиц на рубашке, ни кармана на разодранных джинсах, даже лёгкого пакетика при нём не было. Правда выбрит был тщательно и подстрижен не за алтын.

– Вернулся, босота, – процедил сквозь зубы Пётр Кузьмич, – и как земля таких олухов терпит. Вулканом залить мало!

Не лучшими были эпитеты в Сашкину сторону и от стоящих на остановке сельчан. Он ссутулился, но увидев Настю, потупился, поеживаясь, словно от холода, отвернулся, махнул рукой и уныло пошёл к дому. Настенька шагнула вслед за ним и замерла. Саша резко развернулся и возвратился к девушке.

– Уезжаешь? – кивнув на чемодан и сумки, спросил так тихо, что только Настенька сердцем расслышала его слова. – Из-за меня? От стыда подальше?

Настенька покачала головой.

– Сашенька, я за тобой собралась! Искать в городе.

– Но я, же убогий банкрот?! В чём уехал, в том приехал, Настенька! У меня долгов больше чем сорняков в поле!

– Ерунда!

– Ты посмотри, Настенька, надо мною всё село хохочет, а потом изгаляться начнёт годами... А Зубсиниха сейчас лезгинку закатит от радости или треснет от счастья... Одумайся! Иди домой! Забудь меня!

– Пусть лопается. Больше я тебя одного не оставлю!

Саша развёл руками, покосился на часы с треснутым стеклом, отвернулся от девушки и побрёл, прихрамывая, к родительскому дому. Но Настенька догнала, взяла под руку.

– Пойдём вместе! Хватит по одному маяться... Мне, без тебя, нет жизни, нет! И не будет! Люблю тебя! Ты там, в городе, за долгами бегал, а я здесь, да каждый день бездной казался!

Сашка остановился. Медленно оглядел столпивших у автобуса сельчан, словно пытаясь понять, о чём они думают, надсмехаясь.

– Бездной говоришь, за долгами бегал... И я люблю тебя! – снова еле слышно прошептал Саша. И громче добавил. – А не станешь, потом, жалеть да укорять голодранца?

– Ни словом, ни взглядом, ни вздохом! Ты сделал, что мог, я понимаю. Не получилось одному. Бывает. Вместе получится!

– А родители? Они тебе такое устроят!

– Они родные, они поймут!

Саша кивнул. Пошарив в драном кармане, достал алуую бархатную коробочку, раскрыл.

– Если не сможешь разлюбить – прими от нищего!

Настенька взяла коробочку и обомлела. В ложе карминного бархатного цветка блестело обручальное кольцо обрамлённое россыпью крупных бриллиантов. Изумлённая Настя долго выдохнуть не могла, любуясь красотой камней, затем взглянула на сельчан, саркастически наблюдавших за ними, на пустой автобус, на растерянного отца. Достала кольцо, гордо подняла его над головой, словно разглядывая под солнцем, и медленно надела на правую руку. И над селом нависла такая тишина, что стало слышно, как у Зубсинихи потрескивают крашенные волосы, а над автобусом всхлипывают радостные тучки и весело перезваниваются солнечные лучики, разливая над дорогой радуницу. Кто-то из сельчан захлопал, понимая, что происходит. Кто-то крикнул:

– Саша, а по-людски нельзя? Без закидонов, торжественно!

А Саша извлёк из изорванного кармана серебристый телефончик, нажал кнопочку, и на дороге показался кортеж из машин вишнёвого цвета, разукрашенных красными, алыми и рубиновыми шариками и ленточками. На двух пикапах сидели музыканты в карминных костюмах, играли и пели:

**Хочешь, я с тобой себя найду
У порога с бархатной сиренью
Или на отлогом берегу,
Где сползают в тину акварели?
Но ты, выдохнув «Привет! Привет!» –
Торопливо убегаешь мимо.**

Только шепчет мне: «Дождись!» – калина,
Вишня вторит: «Не спеши» – в ответ!
Хочешь, я с тобой тебя найду
По следам измученной метели,
У костра, в тайге, в горах, на льду,
Даже в нотах сломанной свирели...
А ты снова, выдохнув: «Привет!» –
Отмахнулась и проходишь мимо.
Только шепчет мне: «Не верь!» – калина,
Вишня: « Не горюй!» – твердит в ответ!
Хочешь, нас верну в забытый храм,
Отмолю у прошлого дождями,
Крылья возвращу слепым ветрам
И укрою небо лебедями.
А ты снова, выдохнув: «Привет!» –
Улыбнулась, но проходишь мимо.
«Ты дождись!» – шумит листвой калина,
Вишня: «Она ждёт тебя!» – в ответ!
Хочешь, я на солнце напишу!
Без твоей любви себя не стою!
А взамен судьбу нам попрошу –
Где ты Сердцем будешь, я Душою!
Знаю, снова вымолвишь: «Привет!» –
Но не торопись как прежде – мимо...
Нас обнимет верная калина,
Слышишь вишня нам поёт в ответ:

**«Ничего вам больше не скажу,
Радости своей уже не скрою!
Лишь одну Судьбу двоим прошу –
Где ты Сердцем будешь,
Он Душою!»**

Над первой машиной, самой красивой, в ореоле обручальных колец золотом поблёскивал огромный ключ, разрисованный лилиями.

– А я ведь Настенька за тобой приехал, а это друзья и сваты, и ключ от квартиры, где жить будем. Конечно, можно было бы и парусник сюда пригнать, но в степи ковыль мелкий. Дороги сухие. Долго добираться пришлось бы! Не плачь! Ну, что ты? Не плачь! Обещаю! Это мой последний розыгрыш! Последний! Честное слово!

**В широком смысле, мансарда это любое помещение, устроенное под высокой кровлей*

ПЯТНИЧНЫЙ ХАМ

ОБИДА ХАМА

Витька Политаев – хам. Правда, только по пятницам. В этот день он ходит по деревне – дерзит, но усмеяется. В глаза не глядит, словно и нет никого рядом. Если кто-то из мужиков подойдет, с какой просьбой к Витьке, он с улыбкой выслушает, а затем заявит, как ёжика за па-

зуху засунет:

– А ты чё, козла хужее? Только морковкой вертеть способен? Вали со своим огородом подальше...

Если обратится женщина, тоже ответы один «нежнее» другого. Самый нехамский:

– У ты есть мужик для тела, так используй и для дела.

Может припечатать и более дерзко, но это уже непечатно. Хотя смысл всех ответов в одной фразе:

– А, что, хахаль, кроме как под юбкой у тебя шевыряться, ни на что другое не способен? Вот и беги к тому, кто твоим мыслям подъюбочным хозяин.

Терпимо разговаривает только с бригадиром, да и то коротко. Придёт утром в контору, не здороваясь, протянет руку за нарядом. Бригадир, зная Витькины причуды, покопается в стопке разнарядок и, подобрав задание подальше от деревни, так же молча суёт бумажку в Витькину ладонь. Тот не глядя, запихивает её в карман и, только усевшись в трактор, достаёт и читает. Если, что непонятно, не вылезая из кабины, орёт.

В другие дни Витька – ангел из трактора. Что огород вспахать, что сенца или соломы подкинуть, да хоть на пузе сплясать чечётку! Прибегай ночью, проси днём – пожалуйста! Всегда и с улыбочкой. Причём такса за любые услуги одна – «спасибо».

– Пока один, своего хватает, – отшучивается Виктор, – вот женюсь – деньжата понадобятся, да и пить втихаря зачну,

тогда и цены появятся, а пока радуйтесь, что холостой.

Деревенские к Витькиным «изыскам» привыкли быстро, некоторые его даже жалеют. Вот, мол, до чего жизнь довела бедненького, на людей хуже пса кидается, так корёжит беднягу от пережитого.

И действительно, не с пелёнок же Витька хам. Нормальным рос, спокойным вырос. Как все мальчишки, слегка ругался, бывало дрался, даже влюбился перед армией. Да так, что в стихи ударился, сочинял для милой Вики буквально каждый день. Правда, слова в стихах были все одни и те же, но ведь и в музыке всего семь нот.

Я тебя рисую

сердца кистью,

Красками вселенской глубины

На холсте из первых клейких листьев,

Сотканным мгновеньем тишины!

На ветрах тысячелетних истин,

Верой между капелек огня!

Прорисую лик лазурной искрой,

В всполохах заветного ручья!

Изумрудным взглядом

от галактик,

В звёздном свете Млечного пути!

На холсте в тон ситцевого платья,

Волосы с волною от ладьи.

А глаза признаньем

прорисую!

И веснушки солнечной пылью,

Губы первым робким поцелуем

Да весенней нежностью – лицо!

Пусть замрёт Вселенная на вздохе!

Пусть планета остановит бег!

Небо пусть узнает –

звёзды – крохи,

Той Любви, что создал

Человек!

А после школы армия, два года – не один чих. Вика в любви вечной клялась и божилась, а ревела-то как, провожая! Быки на её рёв оборачивались. Да только, видно, во время проводов всю свою любовь вместе со слезами и вылила. Не прошло и трёх месяцев, да стали её замечать то с одним парнем, то с другим. Дальше – больше. Через полгода вышла замуж, через месяц развелась. Потом снова с кем-то сходилась и расходилась, уже без официальных призываний и обязательств, куда-то уезжала, затем возвращалась. Когда Витка вернулся из армии и зашёл к ней домой, Вика была, как всегда, не одна и, увидев бывшего возлюбленного, не удивилась, а, зевнув, попросила:

– Витёк, раз прикончил службу, живой доковылял, подкинь червончик, а то вчера чуть-чуть посидели, но не считали. Выручи, ещё утро, а уже с похмелуги выворачивает... До ночи не доживу.

С полчаса Витька молча, потрясённый увиденным, побледневшим ковылём смотрел на свою бывшую невесту. На то, как она трясущимися руками пыталась застегнуть пуговицы на халате, затем что-то убрать со стола, заваленного грязной посудой, огрызками, окурками и пустыми бутылками. Насмотревшись, Витька заглянул в спальню, где храпел мужик, и закрыл дверь плотнее. Больше в доме никого не было. Потом подошёл к

Вике, поднял на руки, отнёс в зал и положил на диван. Не раздеваясь, лёг на нее.

– Хочешь не червончик, а больше, четвертак или полтинник?

Вика икнула и, закрыв глаза, прошептала:

– Полтяшник. Только давай быстренько, а то мой кобель сейчас проснётся или его дружки нагрянут...

А потом Виктор ушёл далеко за деревню в поле и завыл, дико, не по-человечески. Да так долго и пронзительно, что ветер стих, потрясённый улёгся возле его ног.. Упал Виктор в траву и долго колотил землю, будто она в чём виновата. Вернулся в село только под утро. У Вики в доме горел свет. Виктор видел в открытую дверь, что Вика лежит в спальне, на кровати, где утром храпел мужик. Тот спал прямо за столом, уставленным пустыми бутылками. Виктор поднял сонного за шиворот и выволок во двор. Мужик проснулся, оттолкнул парня, а затем, взревев, схватил лежащий у крыльца топор и кинулся на парня под канонаду собственных воплей.

– Ах ты, гнида, ах падаль, да я из тебя коровью лепёшку заделаю. Да я из тебя, да я таких штабелями в речку...

Виктор увернулся от топора, усмехнулся и ударил. Бил вначале кулаками, затем ногами, стараясь не попадать в лицо. Когда мужик, потеряв сознание, затих, он зашёл в спальню. Сел на краешке кровати и долго вглядывался в сонное лицо Вики. Дрожащей рукой прикоснулся к ее обнаженной груди. Вика сладко потянулась и, улыбаясь, не открывая глаз, зашептала:

– Кеша, Кешенька, ну где ты так долго бродишь, Кешенька...

Одной рукой Вика потянулась к Виктору, а другой сдернула с себя одеяло.

– Какой Кеша! Разуй zenки, курва, сейчас ты у меня узнаешь, как на кешках вешаться...

Вика открыла глаза и, увидев Виктора, пьяно заныла:

– Опять ты! Ну, сколько можно. Я же утром расплатилась. Ну, что ещё надо? Сейчас мой кобель заявится, увидит, прибьёт обоих. Ну, Витька! Даром

ни-ни! Что ты делаешь. Не надо. Ну, Витька! Да ты так ногу вывернешь. Ну не надо! Витька! Ну, Витя. Витенька. Не на... Витюшка... сладкий мой! Ви... Ой! Хорошо! Ой! Ещё!

Утром Вика и её друг Кеша из деревни уехали. А случилось это в пятницу. На следующий день Витька затопил баню и мылся всю ночь. И лишь с рассветом вышел укутанный в простыню, пошептался о чём-то с нарождающимся солныш-

ком, поклонился ему и воротился домой. Правда,

Вика вскоре появилась в селе с новым хахалем, но Виктор к ней больше не подходил, а встречая, отворачивался, тихо постанывая:

– Вот зараза, вот угрозило...

Но с той поры каждую пятницу Витька Политаев хамил всей деревне откровенно и дерзко. И его терпели, а потом привыкли. Подумаешь, один

день в неделю человек обиду хочет высказать. Всё лучше, чем каждый день. А когда неходишь к парню, так вообще незаметно хамства, более того внешне Виктор привлекателен. Главное в пятницу его обойти. В пятницу ни встретить!

АННУШКА

Если даже очень внимательно приглядываться к Анечке Белозёровой, то можно сделать только один вывод: хороша, да не красавица. Нос курносый, волосы густые, но рыжие, глаза большие и серо-голубые, щёчки пухловатые, и лишь две очаровательные ямочки делают её обворожительной, неповторимой. Длинные ресницы, крылышками мотыльков взметнулись под золотистыми бровями, но белёсы и потому не сразу заметны. А к косметике Анечка совершенно равнодушна. Живёт одна с больной матерью. Школу окончила три года назад. Работает дояркой. Местные парни на неё посматривают, но чтобы подступиться по-серьёзному – такого не было. А недавно, местная блудня Толик Арте-

мьев решил к ней пристать, полапать – не получилось. Она его исцарапала, а потом отделала по лицу крапивой, да так, что горе-ухажёр неделю на улице не показывался. И тогда он отомстил девушке откровенно грязно и подло. По селу поползли слухи, будто Аня от него беременна. А когда Толик попросил ребёнка не оставлять, в ответ и получил по морде крапивой. Сельским бабкам только дай повод. Уже через неделю вся деревня «знала», когда Анечка должна рожать, кого и от кого. Теперь уже девушка старалась реже выходить на улицу, а возвращаясь, плакала, уткнувшись в подушку. А вместе с ней – и её мама. Прижав к груди портрет мужа, она, рыдая, причитала:

– Господи! И куда же ты глядишь, Господи! За что Пашу моего прибрал так не вовремя? И что я тебе плохого сделала, что ты нас так жестоко наказываешь? Заступиться и то некому.

Мамины причитания услышала Анечка.

– Мама, не надо убиваться, давай уедем из села, забудем всё, хорошие доярки везде нужны.

– Куда, доченька, куда? Здесь дом, который твой отец отстроил, здесь его могила. И потом, ты думаешь, мало в дру-гих сёлах хамов?

– Хамов, говоришь...

Анечка вздрогнула, задумалась, вытерла слёзы и подошла к зеркалу.

– А ведь ты права, мама, с хамами можно только по-хам-

ски. А раз сами не можем, других таких же попросим.

– Ты о чём, Анечка, я ничего такого и не говорила...

– Как ты думаешь, Виктор Политаев уже дома?

– Да пора бы, дело-то к ночи. Все с полей вернулись.

Неужто ты к нему собралась? Так сегодня же пятница!

– Ничего, если поможет, подсобит и в пятницу.

– Да ему вовек с Артемьевым не совладать. Толик – под два метра, а этот ему – до подбородка.

Анечка ничего не ответила, накинув на плечи платок, вышла из дома.

Витька был в саду и собирал в ведро опавшие яблоки. Увидев девушку, нахмурился, поставил ведро и сел на него, надменно закинув ногу на

ногу. Аня молчала. Молчал и Виктор. Так, глядя друг на друга, они промолчали несколько минут, и вдруг Аня засмеялась. Да так волнительно и

нежно, что Виктор растерялся.

– Ты чего, Анька? Я это... смешной где-то... Я это... не в порядке, что ли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.